

Алексей Провоторов

КОСТЯНОЙ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
П78

Серийное оформление и дизайн обложки:
Юлия Межова

В оформлении обложки использована иллюстрация
Алексея Провоторова

Провоторов, Алексей Александрович.
П78 Костяной / Алексей Провоторов. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 480 с. — (Дети Великого Шторма).

ISBN 978-5-17-160783-8

Колдовство всегда имеет свою цену. Благие у тебя цели или худые, даром не обойдется.

Ищешь ли ты способ допросить мертвую изуверку, открыть загадочный холодный ларец, выяснить, кто делает таблетки из людей, призвать к ответу ведьму с собачьим языком?

Придется рассчитаться за это, где бы ты ни был.

В чаще на костях, где павшие в давней битве не могут улежать в земле, на болотах, где плотоядные цветы служат орудиями казни; за краем карты, где написано «сие — тварям», на пепелище алхимической фабрики, под расколотой, грозовой, плесневелой луной.

Стоило оно того? Узнаешь, когда расплатишься.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-160783-8

© Алексей Провоторов, текст, иллюстрация, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ФЕМУР

Я не думал, что запахи могут сниться, но тяжелый дух болота приходит во сне иногда, накатывает сквозь темноту.

Вслед за ним проступают картины, словно всплывают из-под темной воды: мутное, зеленоватое солнце, глянцеви́тый жирный отблеск на неподвижной глади и, сквозь ветви, — горбатые, шипастые силуэты зарослей. Это от них тянет сладостью в полном безветрии, это от них у меня кружится голова.

Я будто проваливаюсь куда-то и просыпаюсь. Слава богам, на этом месте я всегда и просыпаюсь.

* * *

...Я понял, что почти добрался, когда увидал на сухом дереве собственное лицо.

На вылинявшей черно-белой листовке не было моего имени, только надпись, мол, разыскивается, да портрет.

Узкий подбородок, глубокие складки у рта, светлые волосы, спадающие на лоб, — рисовальщик знал свое дело. Даже островерхий черный капюшон был на месте.

Мне вдруг захотелось вынуть один из ржавых от сырости гвоздей и подкрасить рыжим глаза. В остальном лишенный красок рисунок вполне соответствовал истине: я приложил руку рядом и убедился, что кожа моя такая же бесцветная, как и бумага.

Я никогда не собирался сюда снова, в этот влажный, отмеченный гниением край, где солнце вечно захлебывается в густом мареве; где луна кажется больной, красноватая, как воспаленная плоть.

Но гномам нужен был конь, а мне — Мерна, и теперь мой путь снова лежал через болота, как будто я ехал-ехал да и приехал в свой кошмар.

Конь — не тот, которого требовал заказчик, а тот, на котором я покинул конюшни Хорнбори, — ступал по пустой дороге, и в полукружьях следов сразу же проступала вода. Я покачивался в седле, размышляя о том, что иногда у дурных мест есть своя прелесть. У всех этих диких чащ, где спят чудовища. У смрадных, усеянных костями тропинок людоедов. У заброшенных узилищ, где призраки ночами собираются, чтобы выдернуть из окаменевшей плахи изъеденный столетиями топор и снова разыграть истории своих казней.

Когда нужно, чтобы люди не замечали тебя, не видели, как ты едешь через их земли, не спрашивали, чего ты здесь рыщешь, лучше дорог не найти. Я понимал это, но все равно мне не было покоя.

Кроме серых стволов умершего леса вокруг виднелось лишь марево, которое запуталось в сухостое, и ядовитая зелень — трава ли, растущая на тверди земной, или ряска над темной торфяной трясиной.

Эта земля звалась Гемода. Однажды я едва не был здесь казнен.

Мы приближались к месту моего позора, моего падения, от которого меня спасло лишь суеверие палачей. Запах болот, гнилой и сладкий, сгущался, накрывал с головой, как дурной сон, как маслянистая волна, из которой не знаешь, вынырнешь ли.

Здесь сестра моя угодила в неволю, а Наин, невезучий наш подельник, поплатился жизнью. Властитель Гемоды не вешал преступников на белесых сухих ветвях и не топил в теплой смрадной воде бесконечных болот.

Здесь вся плоть доставалась траве и цветам.

Я придержал своего коня, огляделся. Почти добрались.

Вообще-то этот конь, мышастый и резвый, мне не принадлежал, и я успел забыть, как его зовут, но пока он исправно нес меня вперед, чем полностью устраивал. В конце концов, я любого коня мог уболтать слушаться, за то мне и платили.

Я не обещал вернуть его Хорнбори. Он, в свою очередь, согласился считать это допустимыми потерями, чего я от прижимистого гномьего племени даже не ожидал.

Спустя полтысячи шагов мы свернули вправо, под арку влажной листвы и потрепанных ветвей. Я вспомнил, как Наин хватался за эти ветви, как орал и сыпал проклятиями, и содрогнулся.

Конь вынес меня на полукруглую поляну у берега болота. Меня мороз продрал по коже, хотя стояла духота. Я чуть не повернул прочь оттуда.

Повсюду были кости. Кости старые, белые до прозрачности, губчатые, словно вытравленные; кости чистые, вымытые дождями, и свежие, в розовой стекленеющей слизи. Кости замшелые, зеленые, будто родились из недр вместе с первыми камнями, на заре мира; и кости эльфов, похожие на мрамор и стекло, на лунный камень или хрусталь.

Кости и цветы.

Не мелкие белые звезды, пробившиеся во мху, не красные безвестные цветки, проросшие на редких сол-

нечных пятнах, словно неведомый гигант здесь сплюнул кровью на болезненно яркую траву.

А плотоядные цветы Гемоды, исчадия диких болот.

К ним приводили преступников на казнь, и, судя по костям, не первую сотню лет.

Этих цветов с десятков росло по краю поляны, у топкой кромки, где пленку ряски испарывали старые склизкие коряги.

Мясистые зеленые стебли; выгнутые, словно перевернутые лодки, зеленые кожистые листья с красными, как сосуды, прожилками. И пасти, багряные пасти, полные волосков с мутными, как сукровица, каплями на игольно тонких концах. Обманчиво мягкие на вид, иглы протыкали кожу и плоть, сок попадал в кровь, в мякоть, медленно растворяя несчастное существо изнутри, а жертва глухо кричала, истекая собственным телом, чтобы цветок мог выпить его и выплюнуть кости.

Я видел это. Слышал это. И едва избегнул сам.

...Я надеялся, что не зря роюсь в осклизлых костях, что прах менее везучих не зря хрустит под моими сапогами, подбитыми железом. Я не хотел тревожить мертвых, обычно от этого больше бед, чем проку, но в этот раз я точно знал, что искать, где искать. Я знал, какой цветок пожрал беднягу Наина. Знал, какой ключ украл Наин. И знал, что перед тем, как нас всех схватили всадники, зажав в кольцо, Наин проглотил его, надеясь на благополучный исход.

Но исход выдался иной, и темный бронзовый ключ оставался в его нутре тогда, когда ловушка захлопнулась, и Наин начал кричать от боли и ужаса.

Он был еще во чреве, когда гном кричать закончил. Когда мою сестру увели, а меня замкнули в кандалы,

ФЕМУР

вывернув руки, и привязали к коню, за которым гнали тычками до самой северной границы.

Костей было тут так много, что они теряли мрачную значительность. Вот фаланги, вот лучевая кость, на ней — след давнего перелома. Выбеленный череп, берцовая кость, серебряная цепочка, оплывшая, истончившаяся; потемневшая стальная пряжка, окисленный, никого не спасший дешевый нож.

Кости.

Липкий сок.

Железо и медь.

Запах разложения, дыхание цветов.

Кости, кости, кости.

И маленький бронзовый ключ.

Я с великой осторожностью ухватил его и медленно разогнулся, выпрямив затекшие ноги.

Вот оно, сокровище. Побывав во чреве беглеца, в кровавой каше растворяемого трупа и в пасти чудовища, оно оказалось в моей руке. Тайная копия, которой не должно существовать.

Я открыл фляжку, вымыл ключ и вытер краем плаща. Потом спрятал.

— Пора выбираться отсюда, как там тебя, — сказал я коню, забираясь в седло, просто чтобы стряхнуть с себя липкую тишину этого места.

Я так и не вспомнил, как звали жеребца. Каури?.. Хмугин?.. Что-то такое, гномье. Это было неважно, пока он нес меня вперед.

Вскоре Гемода осталась позади, земля стала суше, воздух — прохладнее и чище. Я дышал полной грудью, хватал встречный ветер ртом, все ради того, чтобы вы-

ветрить из себя противный, как привкус солодки, запах грязи, крови и испарений.

Мне оставалось только держаться в седле, натянув капюшон поглубже, и вспоминать, как все начиналось.

* * *

— ...Как так вышло, что ты пешком-то? — спросил Хорнбори. Он стоял на каменных ступенях, прислонившись к дубу, и смотрел сверху вниз. Дуб ронял на меня листья.

Мелкий, как все гномы, которых под мешковатыми нарядами да бородой и видеть-то нечего, птичьи кости. Лишенный необходимости кайловать в подземельях, Хорнбори так и не раздался в плечах, как многие его сородичи, но и пуза не наел еще, хоть и начал. Он носил островерхую серебряную шапку, был голенаст и головаст, имел довольную морду и исколотые шилом, короткие, но ловкие пальцы.

— Так ты уже спер всех в округе, — по возможности беззлобно ответил я. Гаденыш, ростом мне едва до пояса, а стоит по-хозяйски и в пещеры, конечно, пускать не собирается — тяжелые каменные створки за его спиной сдвинуты, так что и волос не войдет.

— Ну я видал сапожника, который ходил босиком, но чтоб брат-конокрад пешком шастал да еще пешком же и наниматься приходил?

— Ты-то что ли на золотом коне раскатываешь, Бори? — спросил я.

Хорнбори держал мастерскую и сам отлично управлялся иглой и шилом, делая сбрую для ворованных

ФЕМУР

коней, которых здесь под его началом перековывали, ставили под новые седла, стригли, перекрашивали, если надо, переучивали, меняя до неузнаваемости, прежде чем продать новым хозяевам.

Дорогих, хороших, редких коней. И конокрады, и мастера у Хорнбори были что надо, да и с любой животиной редко кто ладил лучше, чем гномы.

Разве что я.

— Мне конь ни к чему, — буркнул гном. — Трубку будешь?

— Нет, забочусь о цвете лица.

Гном хохотнул.

— Как дела вообще? — спросил он.

— То дыряво, то коряво. Ты и сам слышал, если лишнего не наплели. А у вас?

— Заказы есть, — уклончиво ответил гном. — Так говори, чего пожаловал? А я послушаю. А то про тебя и правда разное болтают.

— Вот правду говорят — мал цверг, а смотрит вверх, — сказал я.

— Еще раз назовешь меня цвергом, — ответил он, — и я вычту это из твоей награды, по золотому за каждый отвратительный, паскудный звук.

Он искривил лицо как-то так, что я даже названия не смог придумать для этой гримасы.

Нелюдь, одно слово.

Я поскреб в затылке через ткань капюшона.

— Лады, Бори, я думал это просто пословица.

— Я давно замечал, что вам, людям, доставляет какое-то извращенное удовольствие сокращать имена. Ладно, Альбин, ближе к делу.

— Говорят, тебе заказали Фемура?

Хорнбори разгладил лицо, потер круглый нос.

— Есть такое, как ни странно. Но от этого дела все отказались, сам знаешь. Если знаешь про заказ, то и про отказ.

— Я только не понял, почему твои-то парни не взялись.

— Ведьмин же конь, я своих под дурное колдовство подставлять не хочу. Нас оно быстро ломает. Вон, — Хорнбори сплюнул в сторону, — Кровожадный, что в Козьей чаще, говорят, тоже когда-то гномом был, а колдовство его погубило.

— А я думал, он просто какая-то тварь с болот.

— Вроде он служил Бетони, когда она была молода и красива; он и шестеро братьев. Потом сам решил колдовать, а стал чудищем.

— Ладно, не о нем речь. Я могу достать тебе Фемура, Бори. Кроме шуток.

— Да ну, Альбин. Если ты от безысходности...

— Бори, ты хорошо знаешь, за что меня нанимают.

— Знаю. Тебя, говорят, вообще любой конь слушается? — спросил Хорнбори.

— Не любой, — ответил я. — Но Фемура приведу.

— Вот скажи мне, Альбин... Видок у тебя так себе, краше кольями забивали. Говорят, что ты подменишь, и что колдун и потому сестру свою ведьме продал, что в Гемоде ты своих сдал и тем выкрутился. С чего мне тебе верить?

— С того, что я не требую предоплаты.

— Резонно. Но гораздо более известные ребята отказывались.

— Значит, у гораздо более известных ребят не было способа, Хорнбори.

— Ладно, свои способы оставь себе. — Хорнбори помолчал, потом поворчал. — Но как ты снюхался с паскудой Наином?

— Наин сам нашел нас с Мерной. Как вы с ним поцапались из-за вашей девицы, — да не смотри на меня так, все знают, что у вас в пещере гномка живет, — он решил, что и сам может делом заняться.

Хорнбори презрительно фыркнул.

— А мы как раз пытались стянуть кобылу у Дага, хозяина Гемоды, — продолжал я. — Ты знаешь, говорят, он поймал ее в реке, и она умеет нырять и плавать не хуже выдры. Интересный экземпляр. Ну Мерна Дага окрутила, он уже считай разрешил ей взять кобылу покататься, но тут нас кто-то сдал. Всех загнали к болоту и повязали как кроликов.

— Жуть, Альбин, жуть.

— Мерну отдали ведьме, ну а Наин... сам знаешь, как оно в Гемоде. Мне смрад болота снится до сих пор. Как будто я не сплю, будто я еще там, только закрыл глаза.

— Так ты-то как остался цел?

— Понятно как. Это ж мою сестру отдали Бетони, а родичей жертвы они, как оказалось, не казнят, поверье у них такое. Как бы чего не вышло. Так что я просто получил по бледной морде.

— Да уж, рожа у тебя того. А вот сестра твоя красавица. — Хорнбори смолк, видимо, сообразив, что сыплет соль мне на рану.

— Ты думаешь, я знаю, как оно так получилось? — Я взглянул на свою белую руку с бесцветными

ногтями.— Говорят, мать просила второго ребенка, чтоб было кому защищать сестру. Пусть младшего, но брата. Не знаю, у кого просила, но вот он я. Видно, сделан из чего пришлось, краски и не хватило.— Я не весело усмехнулся.

Хорнбори еще помолчал. Потом спросил:

— Так ты хочешь украсть Фемура из мести?

— Да. И хочу попасть туда на разведку.

— А ты молодец, Альбин. Иные бросили бы это дело.

— Не могу, Бори. У меня никого нет, кроме нее.

— А что Мадок, тот парень в железе, что за ней ухлестывал? Говорят, он пытался ее искать в лесах за рекой, надеялся найти хрустальный гроб.

— Если б это было так легко, Бори. Видно, бросил он это дело, я про него ничего не слышал с весны. И славно.

— Недолюбливаешь ты его.

— Терпеть не могу. Железный баран. Ладно, ну его. Так что там с Фемуром? Говорят, он из любой беды может вынести, потому Бетони и не словили ни разу. Из-за этого его и заказали, ага?

— Ага.

— Может, мне его себе забрать?..

— Ну-ну. И долго же ты на нем проездишь?

— Так из любой же, Бори? Кто меня-то поймает?

Пришла его очередь скрести в затылке.

— Ладно,— усмехнулся я.— Он твой. Перековывай, крась, стриги, закапывай сок в глаза, что вы еще там делаете с бедными животинами. И пусть твоя красавица раскрасит его хоть в клеточку,— добавил я как бы невзначай. Я знал, как сильно гномы берегли своих многочисленных дев.

— Про красавицу Наин наплел? Она точно не про твою честь. Ты же знаешь, что наши девицы... кхм... бородаты.

Я улыбнулся и промолчал.

Про гномок, или гномид, и правда говорили разное: молва наделяла их бородами и бакенбардами; находились шутники, заявлявшие, что у гномов и женщин-то нет и им все едино, но то были слухи шумные и веселые. Другие же, редкие, сказанные шепотом, утверждали, что гномиды сказочно красивы.

И Наин проговорился как-то о том же.

Я задумался об этом. Какая она, добровольная затворница? Обычная толстушка-простушка, жуткая деваха с бородой или миниатюрная красуля с талией в две пяди обхватом?

Меня снедало любопытство. Не праздное.

...Мы поговорили еще об условиях и цене, а потом попрощались, как только гном выделил мне коня. Солнце едва выкатилось на середину неба.

— Думаю, к рассвету управлюсь, — сказал я напоследок. — А нет — подожди еще день.

— Ты уж постарайся, Альбин.

— Будь уверен.

Я попрощался и тронул коня. И не оборачивался, пока не выехал из урочища, да и потом тоже.

* * *

...Солнце садилось или уже село, когда мы миновали остов огромного сломанного дерева. Гигантский, пяти-обхватный пень высился у дороги; мы проехали у его

корней, под единственной оставшейся ветвью, которая протянулась над нами, как рука.

Кто-то сидел на этой ветви, недвижимый, худой и черный, но я увидел это слишком поздно, потому что на беду погрузился в мысли слишком глубоко.

Он пошевелился только тогда, когда конь шагнул под ветвь. Я заметил движение, но длинные, черные пальцы его ног уже сжались вокруг моего горла, и у меня потемнело в глазах.

Конь продолжил шаг, седло начало выskalывать из-под меня, и я оказался, как повешенный в петле, в лапе этой твари. К своему ужасу, я успел разглядеть достаточно и понял, кто схватил меня на закате.

Кровожадный, не имеющей имени.

Я как мог уцепился мысками сапог за стремена. Меч никак не выдергивался, тело переставало слушаться предательски быстро.

Внизу, где-то в другом мире, заржал конь, резко дернулся вперед, мир пошатнулся, и земля ударила меня и вышибла весь дух.

Если бы я потерял сознание, то уже не очнулся бы.

Когда он успел спрыгнуть и схватить моего коня, я не видел. Но теперь Кровожадный держал его за поводья и тащил в моем направлении. Я видел уroda вверх ногами, запрокинув голову и пытаюсь опереться на локти, и выглядел он нехорошо.

Он наступил мне на грудь, невероятно худой, тонкий, тяжелый, словно вырезанный из железного дерева. Мне показалось, что у него разбита голова, и на мгновение я обрадовался, потом понял, что ошибся.

Я плохо видел в этих сумерках, но — ох, он был страшен. Мой конь пятился и косился, ржал и хри-

пел, упирался так, что копыта взрывали землю, но без толку.

Кровожадный же стоял, прижимая меня лапой, тощий, низкорослый, неестественно длиннорукий. На голове у него болталась грязная красная шапка, которую я сначала принял за кровь. Клыки выпирали изо рта, глаза отвечивали желтым.

— Уйди, тварь, — сказал я, пытаясь лежа ударить его мечом.

— Меня не одолеть таким скверным железом, — закричал он.

— Его ковали гномы!

— Врешь! Я вижу это по глазам.

Проклятое отродье. Он говорил правду, а я — нет.

Он сгреб мой меч пальцами ноги прямо за лезвие и забросил его в лес. Я слышал, как он тяжело стукнулся там обо что-то.

— Отпусти, — закричал я. — И я приведу вместо себя коня!

— Конь у меня и так есть, — ответил он.

— Еще одного! Мною ты не наешься! А конь — больше чем человек!

— Да, — согласился он.

— Отпусти меня сейчас, попируешь позже!

— А ты не врешь?

— Нет, — ответил я. — Загляни мне в глаза.

И он заглянул.

Возможно, когда-то он походил на человека, но теперь казалось, что под кожей его череп раздроблен, вмят внутрь, и голова высохла, уменьшившись в размерах. В глазах его пылал голод, и я подумал, что он не будет